

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

18
(935)

ISSN 0132-2141

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Цена 25 коп.
Индекс 72996

РАЗВЕ ТОТ
МУЖЧИНА?

Меня попросили написать несколько слов о себе. До сих пор я думал все, что поэт пишет о чем бы оно ни было, это является и о себе, ибо о человеке могут судить не по тому, что он говорит о себе, а прежде всего по его поступкам, по его отношению к окружающим. Поэтому очень не хочется вспахать перепаханное поле, наливать воду в переполненный кувшин. Но все же я уже стою на одной ноге, чтобы сказать коротко самое главное о себе: я не такой хороший, как обо мне говорят добрые люди, и не такой плохой, как обо мне говорят злые люди. Мне шестьдесят. В этом возрасте я должен знать, кому руку дать, а кому и кулак показать.

Р. Гамзатов.

Библиотека Крокодила № 18

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

**РАЗВЕ
ТОТ
МУЖЧИНА?**

Перевод с аварского
Якова Козловского

Дружеский шарж и рисунки Л. Самойлова

Москва
Издательство «Правда»
1983 г.

**НАДПИСЬ НА ПРЕДИСЛОВИИ К КНИГЕ
СТИХОВ**

В застолье с полными бокалами
Мы ждем, поднявшись в полный рост,
Когда толкать губами вялыми
Окончит тамада свой тост.

Я с нетерпеньем в горском дворике
Открыл стихи, но как назло
Вдруг предисловье — дань риторике —
Мне к ним дорогу перешло.

И в ярости насупил брови я,
Невольный соблюдая пост.
Ах, сочинитель предисловия,
Когда же кончится твой тост?!

**АВТОГРАФ НА КНИГЕ, ПОДАРЕННОЙ МНОЮ
ИРАКЛИЮ АНДРОНИКОВУ**

Мои стихи, коль выпадет досуг,
Прочти, Иракий, в долгий шкаф не спрятав,
Но утай от Лермонтова, друг,
Что эту книгу написал Гамзатов.

Ему другое имя назови;
Теперь поэты, лишь в Союз их примут,
Тщеславию предаваясь, как любви,
Пред Пушкиным самим стыда не имут.

**НАДПИСЬ НА ПИСЬМЕ ЭФФЕНДИ КАПИЕВА
К ЛИТЕРАТОРУ Н. Н.**

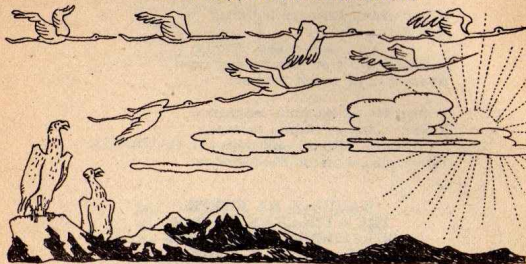
Ах, Эффенди, тебе прощенья нет,
Для нас ты создал страшную угрозу,
Когда Н. Н.

писать еще и прозу
Неосторожны^м подавал совет.

Слагал бы твой усердный адресат
Стихи, как встарь, про соловья и розу.
Так вот, поди,

он стал писать и прозу,
И в этом ты пред нами виноват.

**СТРОКИ, НАПИСАННЫЕ МНОЮ
НА КНИГЕ,
КОТОРУЮ Я ПОДАРИЛ
ОМАР-ГАДЖИ ШАХТАМАНОВУ**

Хочу тебе без околичности
Сказать, что вольные крыла
Есть удостоверенье личности
С утеса взмывшего орла.

Людскому сердцу благородному
Анкета разве говорит
О том, что к племени свободному
От века дань принадлежит?

Не всем поэтам в мире верили,
Но я хочу, признав грехи,
Чтоб в нем легко удостоверили,
Кто я таков, мои стихи.

**НАДПИСЬ НА АФИШЕ
О ПРОГРАММЕ ТАНЦЕВАЛЬНОГО
АНСАМБЛЯ «ЛЕЗГИНКА».**

Мне из твоих зазывных слов
Давно известно, что голов
Почетней ноги.

Харс!

Какая там еще душа?
Дух захватить, не оплоша,
Куда важнее!

Харс!

Увяли замыслов ростки,
Мужчины встали на носки,
Лета по сцене.

Харс!

Кинжал ударил о кинжал,
И снова свист возился в зал.
Ах, что за удаль!

Харс!

То в бубен бьют, то в барабан,
Но дремлет мысль,

А Дагестан

Тайцует лихо.

Харс!

**НАДПИСЬ НА РУКОПИСИ
СОБСТВЕННОГО СЦЕНАРИЯ
«ХАДЖИ-МУРАТ»**

Лихой наиб, в отчаянном бою
Давно срубили голову твою.
Покойся близ отчего предела
В могиле обезглавленное тело.

Но почему, хоть ты погиб давно,
Тебя еще боится Госкино?

**СТРОКИ НА РУКОПИСИ,
ОТΟΣЛАННОЙ РЕДАКТОРУ**

Пред обрезаньем мальчику хитро
Стремятся птичье показать перо:
— Вот режем чем, потрогать можешь пальчиком.

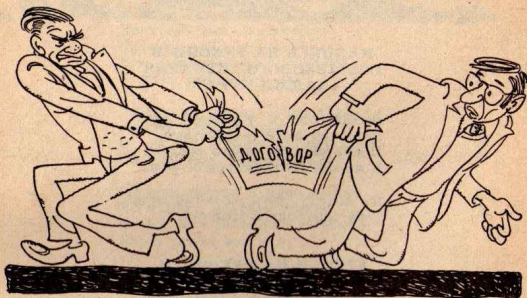
Берет перо редактор мой стальной
И начинает речь вести со мной,
Как перед обрезаньем с горским мальчиком.

**ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ ПОЭТА,
ОТЛИЧАВШЕГОСЯ МНОГОСЛОВИЕМ И РИТОРИКОЙ**

Лежащего под этою плитой
Зачем судить за прошлое сурово?
Охваченные вечной немотой,
Его уста не вымолвят ни слова.

А вспомните, как жаждал он похвал,
Зерна не отличая от мякины,
Но все, что он при жизни написал,
Сошло в могилу до его кончины.

**НАДПИСЬ НА ИЗДАТЕЛЬСКОМ ДОГОВОРЕ
ДВУХ СОАВТОРОВ,
РАЗОШЕДШИХСЯ В НАЧАЛЕ РАБОТЫ**

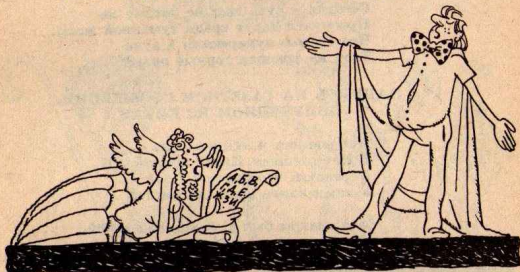

Расстались вы,
но горевать не надо,
И в пору небо благодарить,
Что свет не увидало ваше чадю
И алименты не за что платить.

**ПОЭТУ, КОТОРЫЙ ПРЕЖДЕ
БЫЛ ЧАБАНОМ**

Ты пас овец на плато,
Они тебя ценили,
И ныне пишешь,
но никто
Понять тебя не в силе.

**НАДПИСЬ НА КНИГЕ ОДНОГО АВТОРА,
КОТОРЫЙ В ПРОШЛОМ БЫЛ АКТЕРОМ**

Тебе б играть на сцене в наши лета,
Добился б ты успеха без труда,
Ведь ты давно играешь роль поэта,
Хотя поэтом не был никогда.

**НАДПИСЬ НА ПИСЬМЕ,
В КОТОРОМ АВТОР
РАССКАЗЫВАЕТ МНЕ
О ЗАМЫСЛЕ БУДУЩЕЙ ПОЭМЫ**

Еще твоя поэма впереди,
И как, любезный, оценить мне ныне
Черкеску с газырями на груди,
Какой покуда нету и в помине?

**СТРОКИ НА КНИГЕ ПОЭТА, КОТОРЫЙ УГРОЖАЛ
УМЕРЕТЬ ВО СЛАВУ ЛЮБВИ**

Узнали мы, что за любовь он смело
Все от стихов отдаст до головы,
Но смерть, приди,
его отвергла тело
И увидала, что стихи мертвы.

АВТОРУ КНИГИ «ГОРНЫЕ ОРЛЫ»

Сегодня я чуть свет не потому ли
Проснулся вдруг среди туманной мглы,
Что громко кукарекали в ауле
Твои на крышах горные орлы?

**НАДПИСЬ НА ГАЗЕТНОМ СООБЩЕНИИ,
ПОЛУЧЕННОМ ИЗ КИТАЯ**

Диковинная женщина одна
В сегодняшнем Китае проживает.
Передают, что будто бы она
Ушами книги запросто читает.

А я знаком был с женщиной такой,
Которая ушами пишет книжки,
Вернее, создает их... понаслышке,
Перо сжимая цепкою рукой.

**НАДПИСЬ НА КНИГЕ ПОЭТА,
КОТОРЫЙ ВЕЧНО ЖАЛУЕТСЯ
НА ГОЛОВНУЮ БОЛЬ**

Не от тебя ль, судить охочего,
Мы все в черед узнали свой,
Что ты во время дня рабочего
Страдаешь болью головной?

Твои стихи прочли мы новые
И к мысли вдруг пришли одной,
Что их на головы здоровые
Свалил ты с головы больной.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ ОДНОГО ПОЭТА

В твоих стихах,
пришедший в изумленье,
Нашел я строки золоту сродни,
Да вот беда: до твоего рожденья
Поэтами написаны они.

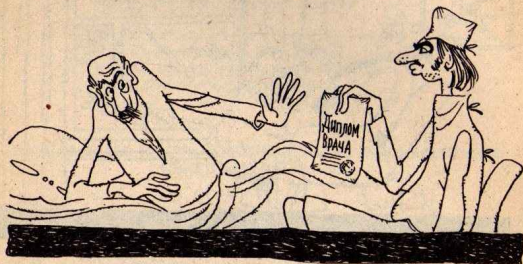
**СЛОВА, СКАЗАННЫЕ СУЛЕЙМАНОМ
СТАЛЬСКИМ МОЛОДЫМ ПОЭТАМ,
ЧИТАЮЩИМ СВОИ СТИХИ
НА ЕГО МОГИЛЕ**

— Эй, зурначи,
уже не в силе
Внимать я грохоту словес.
Покой мне дайте хоть в могиле
Под вечным пологом небес.

Должны, поникнув головами,
Вы помянуть меня в тоске,
Не то, глядите,
я пред вами
Предстану с посохом в руке!

МОЛИТВЫ ГОРЦА

Слышна мольба:

«Меня и остальных
Спаси, судьба, от помыслов дурных.
Возвьсь мой дух, в надежде не покинь,
И ниспошли мне мужество!

Аминь!

Да будет весть отрадна для меня,
А честь — дороже злата и коня.
И все, как есть, испей, не половинь
Отзывчиво, душа моя!

Аминь!

Да сбудется все доброе, что мне
Минувшей ночью виделось во сне,
Но станет явь пусть горькой, как польнь,
Коль поступлюсь я истиной!

Аминь!

Да обернется святостью мой грех,
И впредь да буду утверждать при всех,
Что нет для поколения богинь
Достойнее возлюбленной.

Аминь!

Будь к миру милосердною, судьба,
И солнцем лишь его касайся лба,
И память укрепи в нем. И отринь
Войну от человечества.

Аминь!•

«Пусть там, где в ущельях клубятся туманы,
Нас юные девы и старые раны
Собой украшают.

Аминь!

Безмолвно беседуют с небом вершины,
Где в пору страды и сражений мужчины
Пусть не оплошают.

Аминь!

С годами становятся взрослыми дети
И, пусть хоть пребудут столетье на свете,
Все ж молоды будут.

Аминь!

Пусть день, когда друг не вошел в наши двери,
Уходит, отмеченный знаком потери
В селении всяком.

Аминь!

И пусть у того разлетятся ворота,
Кто гостя без должного встретил почета.
Вам вспомнился кто-то?

Аминь!•

«О, господи, пускай лишится чина
Тот муж, что не почтил простолюдина,
И рядовым окажется.

Аминь!

Пусть проведен глупцом однажды будет,
Кто о себе, как о премудром судит.
И посмеемся мы над ним.

Аминь!

«Когда начнет сам таять, как свеча,
Кто сыну приобрел диплом врача.
О, господи,

пускай, как ни перечит
Больной отец,

его наследник лечит.
И хворому там, где звучит латынь,
Ты помогать не торопись.

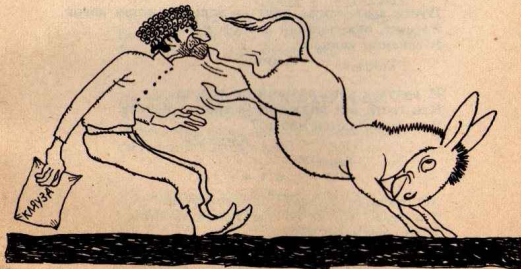
Аминь!

«Пускай того не чтят родные дети,
Кто теще не отказывал в привете,
А мать родную забывал.

Аминь!

Пусть безмянным к отчему порогу
Вернется тот, кто, выходя в дорогу,
Родное имя променял.

Аминь!

Любовницей,

в летах он или молод,
Пусть будет голым выдворен на холод,
Кто с нею изменял жене.

Аминь!

«Пускай ишак лягнет в уста того,
Кто клеветал на друга своего.
Всяк клеветник скотина есть.

Аминь!

Кто на словах был храбр, о, небеса,
Сбежит пусть от залаявшего пса,
И весть о том всех обойдет.

Аминь!

«Покаюсь, если чых-то слез
Я стал виной.

Аминь!

А кто обиду мне нанес,
Пусть кается!

Аминь!

Да будет в жизни счастлив тот,
Кто сердцу мил.

Аминь!

И счастлив тот, кто в свой черед
Нас полюбил.

Аминь!

**ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ
БРАЖНИКОВ**

Хайт-вайт,
Хайт-вайт,
Встает луна,
Легли в горах туманы.
Пришла пора налить вина
В задравные стаканы.

Хайт-вайт,
Хайт-вайт,
Даем зарок,
Расположась бок о бок,
Что мы летящих в потолок
Считать не будем пробок.

Гремит бутыл, как пистолет,
Заслуженно воспетый.
И пусть пальбы весь белый свет
Не слышит, кроме этой.

Пускай, как в прежние разы,
Не потерявший силы,
Огонь прославленной лозы
Вольется в наши жилы.

Хайт-вайт,
Хайт-вайт;
А ну, до дна!
Как сердца легок вымах!
Устами в пламени вина
Прильнем к устам любимых!

Хайт-вайт,
Хайт-вайт,
Не зря стакан
Звенит призывным звоном.
И как оракулы в карман
Не лезем мы за словом.

И я пророк, и ты пророк,
Мы все сидим бок о бок.
Из бочки выбьет пусть пупок,
Кто пред вином не робок!

О смерти мы
И смерть о нас
Забуть согласны в этот час.
Нальем и будем квиты!
До дна, Али!
До дна, Абас!
А ну до дна, джигиты!

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ
БРАЖНИКА

Всю ночь гулял я, удалец,
Пел песни среди ночи.
Теперь в башке моей свинец,
Подняться нету мочи.

Ох, все утро мое в огне,
День белый черен цветом.
Я глянул в зеркало, и мне
Явился черт при этом.

Ох! Клялся, что не буду пьян,
Но поступил оплошно,
Веселье славил мой стакан,
Ох, что ж теперь так тошно?

«За женщин пьем! До дна! До дна!» —
Гремело среди ночи.
Пришел, и встретила жена,
В слезах чьи были очи.

Хоть пил во здравие наш круг,
Не ведавший печали,
Но вдруг напал на нас недуг
И мы валиться стали.

Был пробок взлет, как взлет ракет,
Которые, как видно,
Доставить могут на тот свет,
Но умирать обидно.

Ох! Знал обычай тамада,
И тосты раздавались,
Я пил за дружбу, но куда
Дружки мои девались?

— Ответь, Омар,
Ты жив иль нет?
А что, скажи, с Гасаном?
Домой доставлен Магомет
Живым иль бездыханным?

КТО НЕ ПЬЕТ ВИНО?

Кто пьет вино, известно предавно,
А я отвечу, кто не пьет вино.

Его не пьет, кто трезвый, как вода,
В вине не видел смысла никогда.

И тот не пьет, изверившись в вине,
Кто истину любил искать на дне.

Не пьет вино и алчный скряга тот,
Чьи на замке карманы круглый год.

Не пьет вина, как мусульманин в пост,
Кому сулят по службе новый пост.

И тот не пьет, кто прежде неспроста
Чуть не лишился своего поста.

Не пьет дурак, что умным не судья,
Не пьет и тот, кто мудр, как змея.

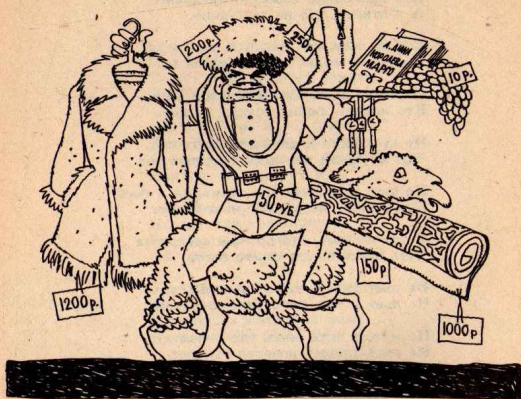
Не может пить вина, кто занемог,
Не пить такому повелел сам бог.

И тот не пьет, кому неумоготу
Переступить запретную черту.

Хоть трезвенников славят имена,
Бывает, что и дочь муллы грешна.

Иной клянется, что ни капли в рот
Он не берет, а сам вседнею пьет.

ОТКРОВЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО БАРЫШНИКА

Мне торг дороже женских чар,
Он мой восторг, моя отрада.
Дарам — базар, дарам — базар,
Мне в жизни большего не надо.

Придет товар, уйдет товар,
В цене шелка, меха и пряжа.
Дарам — базар, дарам — базар,
Хвала вам, купля и продажа!

Мне грешной страсти не избыть,
И вновь всяк день молюсь: — О, боже,

Суди мне дешево купить,
Суди продать мне подороже.

Загнал втридорога козла
Иль цену вновь набил барану,
Клянусь, не будет тяжела
Нажива моему карману.

Мне это дело по душе,
Когда торгуюсь, я в ударе.
Стремлюсь остаться в барыше,
А вас оставить — при товаре.

Как мир, закон торговли стар,
И, наживаясь, я не скрою:
Дарам — базар, дарам — базар
Сродни политике порою.

Ходил в набеги предок мой,
Скакал по травам и по снегу,
А я и летом и зимой
Иному предаюсь набегу.

Я проношусь по городам,
Где пребываю в тайной моде.
Куплю — продам, куплю — продам,
Пока гуляю на свободе.

И оборотистость — мой дар,
Она удач моих основа.
Дарам — базар, дарам — базар,
Я в барыше сегодня снова.

Вам шкура барса ли нужна,
В Большой театр ли билеты?
Своя имеется цена
На все услуги и предметы.

Живу на собственный манер,
Где правит купля и продажа,
И мне толкучка, например,
Стократ дороже Эрмитажа.

Свети изделиям и плодам,
Моя звезда, на небосводе.
Куплю — продам, куплю — продам,
Пока гуляю на свободе.

МОЛОДОСТЬ

Говорят, он молодой,
Омыт вешнею водой,
Но коль рядом с юных лет
Друга верного с ним нет,
Это, брат, не молодость.

Молодой он, говорят,
На веселье тороват,
Но когда, подняв, не смог
Осушить на свадьбе рог,
Это, брат, не молодость.

Молодой он, говорят,
С виду крепок, как булат,
Но коль чаркою сражен
Там, где здравии слышен звон,
Это, брат, не молодость.

Молодой он, говорят,
Но как ночи все подряд
Им обманутая ждет
И в подушку слезы льет,
Это, брат, не молодость.

Молодой он, говорят,
Но коль сам был виноват,
Что для той, кого любил,
Оказался вдруг не мил,
Это, брат, не молодость.

Молодой он, говорят,
Но когда с другими в лад
Песню в отческих местах
Не возносит на устах,
Это, брат, не молодость.

Говорят, он молодой,
Но когда звезда с звездой
Речь на небе поведет,
А он песню не прервет,
Это, брат, не молодость.

Молодой он, говорят,
Но душою плутоват,
Десять раз на дню совет
И недорого возьмет,
Это, брат, не молодость.

Говорят, он молодой,
Но когда перед бедой,
Не к чести своих годов,
Свесить голову готов,
Это, брат, не молодость.

Ранен был солдат в бою,
Но не выдал боль свою,
Это ли не молодость,
Это ли не молодость?

Человек пред миром встал,
Слово истины сказал,
Это ли не молодость,
Это ли не молодость?

И когда решают честь
Люди благу предпочтеть,
Это ли не молодость,
Это ли не молодость?

Как в любые времена,
Растет разума цена,
Это ли не молодость,
Это ли не молодость?

РАЗГОВОР С ЧАСАМИ

В доме я и часы. Мы одни.
Колокольной достигнув минуты,
Медно пробили полночь они
И спросили:

— Не спишь почему ты?

В этом женщины грешной вина:
Накануне сегодняшней ночи
Нанесла мне обиду она,
От которой заснуть нету мочи.

Отозвались часы в тишине:
— Вечно в мире случалось такое.
Видит женщина в сладостном сне,
Как не спишь ты, лишенный покоя...

В доме я и часы. Мы одни.
Колокольной достигнув минуты,
Медно пробили полночь они
И спросили:

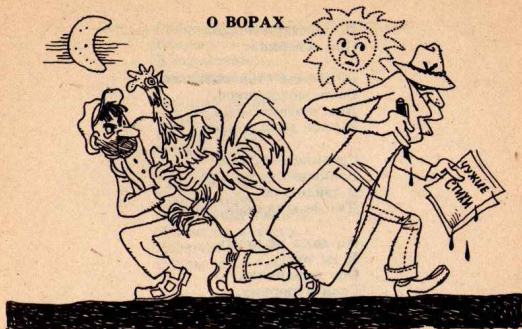
— Не спишь почему ты?

— Как уснешь, если та, что мила
И безгрешна душою земною,
Предвечерней порою была
Ненароком обижена мною.

— Не терзайся. Случалось, что сон
Вдруг терял виноватый мужчина.
И не ведал того, что прощен,
Что печали исчезла причина.

В доме я и часы. Мы одни
Полуночицаем поневоле.
От обиды, судьба, охраняи
И не дай мне обидчика роли.

О ВОРАХ

Что плохо кладут,
Воры крадут.

Ох, и охочи
На это они
В черные ночи
И в белые дни.

Помалу, помногу
Воруют вокруг:
То заднюю ногу,
То целый курдюк.

Один украдет —
На себе отнесет.
Другой украдет —
На арбе отвезет.

Своруют одни —
И не воры они.
Другим никогда
Не избегнуть суда.

Сорока-воровка
Кашу варила

И, действуя ловко,
Она говорила:

— Десять старательных
Было молодчиков.
Два указательных —
В роли наводчиков.

Средние — крали,
Большие — съедали.
В свидетели
Два безмянных попали,

Но дали не этому
И не тому.
Оба мизинчика
Сели в тюрьму.

Что плохо кладут,
Воры крадут.

Воруют на пару
И в одиночку.
То стащут отару,
То чью-нибудь строчку.

Воруя, наелись
И напились,
Воруя, оделись
И вознеслись.

Воруя, нагтели,
Воруя, божились,
В чужие постели
С чужими ложились.

Сорока-воровка
Кашу варила
И, действуя ловко,
Она говорила:

— Десять старательных
Было молодчиков.
Два указательных —
В роли наводчиков.

Средние — крали.
Большие — съедали.
В свидетели
Два безмянных попали.

Но дали не этому
И не тому.
Оба мизинчика
Сели в тюрьму.

Гора на горе,
Вор на воре.
Лисица-плутовка
У многих в чести.
Главное — ловко
Следы замести.

Есть разные воры
В любой из сторон,
Иным, что матери,
Закон — не закон.

Угонит овец,
Говорят: — Удалец! —
А спер петуха,
Не прощают греха.

Сорока-воровка
Кашу варила
И, действуя ловко,
Она говорила:

— Десять старательных
Было молодчиков.
Два указательных —
В роли наводчиков.

Средние — крали.
Большие — съедали.
В свидетели
Два безмянных попали.

Но дали не этому
И не тому.
Оба мизинчика
Сели в тюрьму.

ПЕСНЯ ВИННОЙ БУТЫЛКИ

— Буль-буль, буль-буль!

Я знаю вас,

Я помню ваши речи:
С меня срывали всякий раз
Вы шапочку при встрече.

И опрокидывали власть
Над нижнею губою,
Зато потом контроль и власть
Теряли над собою.

Я градом капелек, буль-буль,
Без лишних заковырок,
В башках у вас, как градом пуль,
Пробила сотни дырок.

«Буль-буль, буль-буль» —
простой напев,

Его внимая знаку,
Вы то лобзались, захмелев,
А то кидались в драку.

Не пряча слез,
меня кляня,
К столу склонялись лбами
И становились для меня
Покорными рабами.

Звучал напев:
«Буль-буль, буль-буль»,

И жены уходили
Порой от вас не потому ль,
Что вы меня любили?

Я вам не раз в похмельный час
Огонь вливала в глотку
И отправляла многих вас
За трезвую решетку.

Буль-буль, буль-буль!

Текло вино,

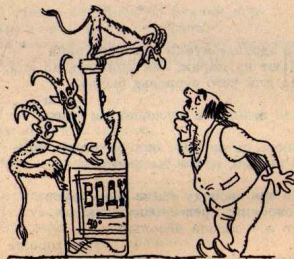
А мне какая горесть,
Что с кошельками заодно
Вы пропивали совесть?

Случалось, видели чертей
Вы с козьими рогами,
Ругали преданных друзей
И чокались с врагами.

Немало жертв,
летя с горы,
Унес поток жестоко,
Но унесла в тартарары
Я больше жертв до срока.

Буль-буль, буль-буль!
Прошу налить,

Долой, что не отпето!
Меня любить — себя сгубить,
Но не страшит вас это.

* * *

Я окажу тебе услугу
И провожу твою подругу
Домой при свете фонарей
До самых до ее дверей.

Вот только —
твой слуга покорный —
В парк дозвонюсь таксомоторный,
Подам пальто, оденусь сам
И возвращусь, как по часам.

Ложись и спи!
Гляди, как поздно!
Ну, что с того, что небо звездно?
Зачем, не приложу ума,
Со мной поедешь ты сама?..

Домой твою подругу вместе
Везем.

Она подобной чести
Достойна по такой поре.
Не зря так звездно на дворе.

* * *

За здравье кубки красного вина
Пьют на пирах, как принято, до дна,
Но для чего здоровье бычье,

если
Вас женщина не любит ни одна.

Вновь за любовь, она того достойна,
Я выпью, как в былые времена.

Не зря свободу выше всех других
Сокровищ перевозим дорогих,
Но я — любви невольник,
мне дороже
Бывать в плену у женщин молодых.

Да здравствует прекрасная неволя,
Мой ад и рай, где нету часовых.

Желали долголетья мне не раз,
Каким дарит сынов своих Кавказ,
Но для чего мне долголетье,
если
Исчезну я со дна любимых глаз?

И, может, жизнь отдам я за один лишь
Подаренный мне женщиною час.

* * *

Давай отомстим петуху во дворе:
Поймаем — и голову прочь.
Не он ли кричал нам с тобой на заре,
Что страсти окончилась ночь?

Ощиплем, зажарим и скажем ему:
— Чуть свет ты кричать был охоч,
Но вести теперь не подашь никому,
Что страсти окончилась ночь.

Ощиплем и пухом подушку набьем,
Что легок, как дым в синеве,
Нам эта подушка поможет вдвоем
Лежать голова к голове.

И завтра багрянец по ранней поре
Край неба, как ни оторочь,
Не сможет воскрикнуть петух на дворе,
Что страсти окончилась ночь.

* * *

Не потрафь, Любовь, скупцу,
Не ходи его тропую,
А не то сама скупою
Прослывешь, что не к лицу.

Осторожно, чуть дыша,
Не стели, Любовь, постели
Для того,
в чьем грешном теле
Скрыта заячья душа.

Я подам тебе совет:
Расставаться пред невеждой

Со своей, Любовь, одеждой
Никогда тебе не след.

И в лукавые уста
Не целуй того, чье слово
Изменить тебе готово
Или совесть не чиста.

И вовеки ты права:
Сторонишься, как напасти,
Тех из нас,
в ком нету страсти
И расчет — всему глава.

* * *

Пел Хафиз, в народе чтимый,
Что отдаст,
служба добру,
Он за родинку любимой
Самарканд и Бухару.

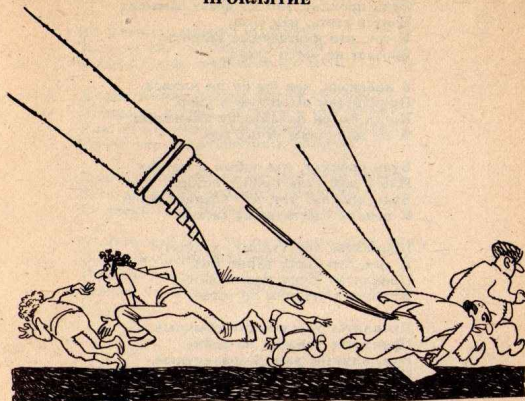
Персиянка рассмеялась:
— Если родинка в цене,
Забирай ты эту малость
Приложением ко мне.

И возлюбленным поэты,
Ради их прекрасных глаз,
Звезды, будто бы браслеты,
Подносили сотни раз.

— Вы нам звезды не дарите, —
Раздавался женский глас, —
Лучше в честь любви прижмите
По-земному к сердцу нас.

И в ларце не подносите
Отшлифованный алмаз,
Лучше слезы осушите,
Когда плачем из-за вас.

ПРОКЛЯТИЕ

Проклятье бурдюку дырявому,
В котором не хранят вино.
Проклятие кинжалу ржавому
И ржавым ножнам заодно.

Проклятие стиху холодному,
Негреющему башлыкю,
Проклятье вертелу свободному,
Нежарящемуся шашлыкю!

Проклятье тем, кто и понятия
Иметь о чести не привык,
Проклятие, мое проклятие
Унизившим родной язык.

Тому проклятье, в ком прозрения
Не знала совесть на веку.
Пусть примет тот мое презрение,
Кто дверь не отпер кунаку.

Будь проклят, кто на древе замысла
Бойся света, как сова,
И тот, кто клятвенные запросто
Бросает на ветер слова.

В кавказца, как бы он ни клялся,
Проклятьем выстрелю в упор,
Когда бы он начальству кланялся,
А не вершинам отчих гор.

Будь проклят, кто забыл о матери
Иль в дом отца принес позор.
Будь проклят тот, кто невнимателен
К печали собственных сестер.

Проклятье лбу тупому, медному,
И тем, кто лести варит мед,
Проклятие юнцу надменному,
Что перед старцем не встает.

Проклятье трусу в дни обычные,
Проклятье дважды на войне.
Вам, алчные, вам, безразличные,
Проклятье с трусом наравне.

Мне все народы очень нравятся,
И трижды будет проклят тот,
Кто вздумает,

кто попытается
Чернить какой-нибудь народ.

Да будет проклят друг,
которого
Не дозвешься в час беды!
И проклят голос петь готового
В любом кругу, на все лады!

* * *

На пенсию выходят ветераны,
Заслуги их, и подвиги, и раны
Забуть годам грядущим не дано.

А чем заняться этим людям старым,
Прильнув к перу, предаться мемуарам
Иль по соседним разбрестись бульварам
Затем, чтобы сражаться в домино?

Для поздних лет не все тропинки торны,
Зато любви все возрасты покорны,
Ее кавказский пленник я по гроб.

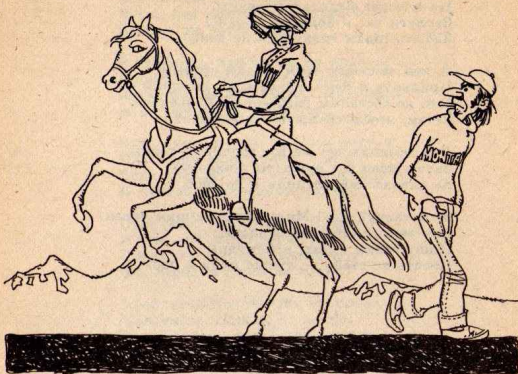
В отставку? Нет! Милы мне женщин чары,
Они мои давнишние сардары,
Пишу стихи о них, а мемуары
Писать не стану — лучше пуля в лоб!

* * *

«Смотри: он сед, как выси гор,
А роль избрал лжеца ответого!» —
«Чей он отец? Еще позор
На сына ляжет из-за этого».

«Глянь, молод он, а как матёр,
Ложь мелет с хитростью бесовскою!» —
«А чей он сын? Еще позор
Падет на голову отцовскую!»

РАЗВЕ ТОТ МУЖЧИНА?

Кто безумно и беспечно
Хохотать способен вечно,
Разве тот мужчина?

Кто не гнулся под мечами
И всю жизнь не знал печали,
Разве тот мужчина?

Кто в заздравном даже слове
Умудрялся хмурить брови,
Разве тот мужчина?

Кто смертельно не влюблялся,
Ни с одной не целовался,
Разве тот мужчина?

Кто любую звал голубкой
И за каждой бегал юбкой,
Разве тот мужчина?

Кто готов подать нам стремя
И предать нас в то же время,
Разве тот мужчина?

Кто, к столу шагнув с порога,
Осушить не в силах рога,
Разве тот мужчина?

Кто в местах, где многолюдно,
Пьет из рога беспробудно,
Разве тот мужчина?

Кто, хоть век в дороге будет,
Дом отцовский позабудет,
Разве тот мужчина?

Кто, исполненный усердия,
Судит нас без милосердия,
Разве тот мужчина?

Кто даст слово, что булатно,
Но возьмет его обратно,
Разве тот мужчина?

ПЕСНЯ ЖЕНЩИНЫ О МАЛОДУШНОМ МУЖЧИНЕ

Отчего ты в горах перед схваткой
Не спешишь зарядить пистолет?
Что дрожишь, как больной лихорадкой,
Кто ты, горец, мужчина или нет?

Может быть,
поблдевший от страха,
Обменяем судьбами впрок?
Мне к лицу твоя будет папаха,
А тебе мой цветастый платок.

Я вручу тебе серп.
И на жатву
Ты отправишься, жнице под стать.
И сожму, прошептавшая клятву,
Я клинка твоего рукоять.

Возвратившись, подоишь корову,
Натаскаешь воды.

И мое,
Верный долгу и отчету крову,
Постираешь в корыте бельё.

Я вернусь не одна — с кунаками,
Ты закуску подашь и бузу.
Я вернусь не с пустыми руками,
А подарки тебе привезу.

Гоцалинские серьги подвешу
Я к ушам твоим длинным сама,
Нитью бус унцукульских утешу,
Что купила почти задарма.

Станут губы красны от помады,
А щетина от пудры бела.
И забудешь ты горечь досады,
Только дальше держись от стола.

Жаль, нам статью нельзя обменяться,
Чтоб в кругу молодых и старух
Мог бы в платье моем появляться
Твой лишившийся храбрости дух.

К людям в души заглядывать сложно,
Лишь беде предстают их черты,
И она установит, возможно,
Что походишь на женщину ты.

АД

О том на Кавказе поныне
Преданье живет неспроста,
Что в проклятой богом теснине
Разверзнуты ада врата.

От века за теми вратами
Посмертно попавшие в ад
С безмолвно кричащими ртами
В огне языкатом горят.

Здесь пункт остановок конечных,
И, вдалеку устремившие взгляд,

Два горца, два стража извечных,
У врат преисподней стоят.

Черны на обоих одежды,
Как тучи на склонах горы.
Оставь на пороге надежды,
Вступающий в тартарары!
И с огненной бездною рядом
Я встал и спросил часовых:
«Какие грехи наши адом
Караются прежде других?»

От предубеждений свободный,
Слышал я,

что первыми в ад
Бросают за грех первородный
Всех прелюбодеев подряд.

А может, вначале пьянчужек
Бросать туда дьявол горазд,
Где бражникам пенистых кружек
Никто никогда не подаст?

А может, почтенные стражи,
Иной существует черед,
И воры возглавить за кражи
Обязаны грешников ход?»

Ответил мне каменный стражник,
Чья пепла седей борода:
«И вор, и любовник, и бражник
Не первыми входят сюда.

Тому предпочтенье, кто ближним
Устраивал ад на земле,
Кто действовал словом облыжным,
В чужом восседая седле.

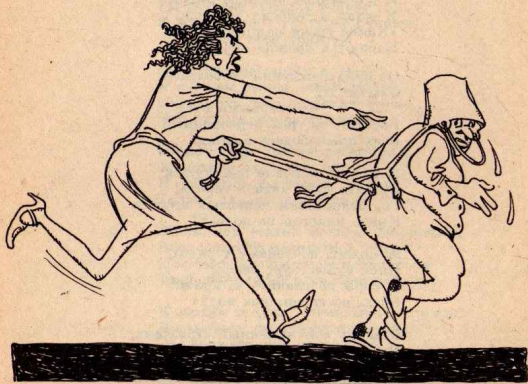
Кто сам от себя отрекался,
Кто правды не высказал вслух,
Кто плакал, смеялся и клялся
Противнее всех потаскух».

Затем разомкнулись второго
Печального стража уста:
«Лишь тех мы караем сурово,

В ком совесть была нечиста...»

Я вижу, вы стражи что надо,
Пусть в мире карается зло...
А если и вправду нет ада,
Создать его время пришло.

ОТКРОВЕНИЕ КОВАРНОЙ ЖЕНЫ

Дрожи оттого, что забыла покой
Я, собственной мести во всем потакаю,
Еще покажу тебе, кто ты такой,
Еще покажу тебе, кто я такая.

Предать постараюсь стоустой молве
Хабар, что мужчиной ты стал недостойным.
При всех на ослиной твоей голове
Папаху ведром заменю я помойным.

Скомандую, как наведу пистолет:
Усы свои сбрей подобра-поздорову,
Теперь их подкручивать времени нет,
Обед приготовишь, подоишь корову!

А станешь противиться —

 целый аул
Заставлю подняться, тревогой объятый,
Как с крыши начну я кричать: — «Караул!
Меня порешить хочет муж мой проклятый!»

Поклонись мне, словно куст на ветру,
Захочешь сбежать — сразу кинусь вдогонку.
Я шкуру с тебя, как с барана, сдеру,
К зиме из которой сошьют мне дубленку.

Запомни: обучена грамоте я,
Недолго грехов приписать тебе гору.
И явится в дом к нам милиция вся,
Когда я письмо настрочу прокурору.

И, властная как восклицательный знак,
Приема потребовав без проволочки,
Где надо ударю я по столу так,
Что вмиг разлетится стекло на кусочки.

Узнаешь, разбойник, кто прав, кто не прав,
Тебе отомстить мне возможность знакома.
Могу, на себе я одежду порвав,
Войти и без пропуска в двери обкома.

Хизроевой быстро найду кабинет,
Рыдая, взмолюсь: — Патимат, дорогая,
Спаси, погибаю в цветении лет,
Мучителя мужа раба и слуга я.

Живу, как при хане, о воле скорбя,
Стократ этой доли милей мне могила. —
Хизроева голову снимет с тебя —
На деле таком она руку набила.

Но если ее не сумеет рука
Настигнуть тебя беспощадней затрещин,
Тогда напишу заявленье в ЦК,
Где чутко относятся к жалобам женщин.

Еще пред партийным собранием ответ
Ты будешь держать!
 Позабочусь об этом,

Еще ты положишь партийный билет,
Прослав на весь свет негодяем ответым.

Потом разведусь я с тобой, дураком,
Останешься с тещей средь отческих стен ты,
А я загуляю с твоим кунаком
И стану с тебя получать алименты.

Запомни, что женщина в гневе сильна,
Как в страстной любви, и тонка на коварство.
Когда-то в былые она времена
Умела, озлясь, погубить государство.

Я стану твоею судьбой роковой
И, гневом, как молния в небе, сверкая,
Еще покажу тебе, кто ты такой,
Еще покажу тебе, кто я такая.

ЛЕГЕНДА О СВАДЬБЕ

Жених в канун поры медовой
В черкеску новую одет.
Он парень крепкий и бедовый,
Ему лишь девять тысяч лет.

На склонах гор горят соцветья,
Вином наполнены меха.
И на одно тысячелетье
Невеста младше жениха.

Ко дню заветному готовясь,
Для пущей славы и красы
Подстриг неотразимый горец
Семивершковые усы.

И, на подушках сидя пестрых,
Проснувшись досветла,
Невеста две десятиверстых
Косы к полудню заплела.

И вестники, медноголосы,
Направленные женихом,

Пустились, миновав утесы,
В четыре стороны верхом.

И облака их путь венчали,
И пламень зорь вдали не мерк.
О том глашатаи вещали,
Что свадьба — в будущий четверг...

Настал четверг и званый вечер.
Звенеть без отдыха зурне,
В честь свадьбы звезды, а не свечи
Зажглись в небесной вышине.

Дымился с огненной приправой
Шашлык, покинувший мангал.
И на вершине одноглавой
Жених нарядный восседал.

И на ковре зеленом дола
Свою невесту видел он.
Осыпан край ее подола
Был розами со всех сторон.

Веселия сундук вечерний
У приглашенных на виду
Открылся сам.

И виночерпий
Равнень взяв на тамаду.

Народ гулял и забавлялся,
Плясать кидался во всю прыть.
Уже невесту собирался
Жених на танец пригласить.

Он зурначам команду подал,
И вдруг при звездах и луне
Увидел он, гостей поодаль,
Гонца на тощем скакуне.

Известье о добре иль хude
Везет насупленный гонец?
Тот крикнул с лошади:
«Эй, люди,
Кончайте пир! Гульбе конец!»

Гулявший люд поднялся с места.

«Ты спятил, брат!»

А он в ответ:

«Женой не может стать невеста,
Еще годов ей должных нет!»

Пока не вступит в зрелый возраст,
На свадьбу власть кладет запрет!» —
«Ты опоздал, — раздался возглас, —
Невесте восемь тысяч лет!»

«Вы поступили не по чести,
Приписка ваша не пройдет.
Откуда восемь тыщ невесте,
Когда семь тысяч девятьсот?»

И вынул заявленье чье-то
Длиной не менее версты...
«Блюсти закон — моя забота...» —
«А мы сочли, что вестник ты».

«Сочли, а не мешало знать бы,
Что перед вами прокурор!...»
И смолкли струны горской свадьбы,
И торжества угас костер.

Терзалась девушка печалью,
Пока ей не была дана
Бумага с гербовой печатью,
Что стала взрослою она.

Первоначального звучанья.
Лишились бубен и кумуз.
В конторе бракосочетанья
Был двух сердец скреплен союз.

И проходил, морщина склоны,
За веком век, зимы седей,
И бывшие молодожены
На свет родили сто детей.

Однажды, к ним заехав в гости,
С вином я поднял полный рог
И высказал в заздравном тосте
Все, что для свадьбы приберег.

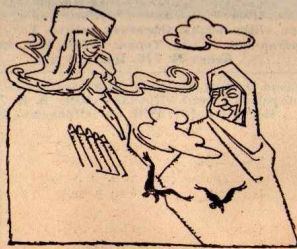
Алел на сизом перевале
Вашлык восхода в этот час.
Когда вы тост мой не слышали,
Я повторю его для вас:

«Живите долго, словно горы,
Из дольки прыгайте в седло.
Пусть выражает ваши годы
В конце трехзначное число.

Пусть каждый горец будет дюжим,
Горянка каждая — нежна
И народит детей семь дюжин,
Оставшись тоненькой, она.

Желаю вам, где вольно реки
Кипят меж скальных берегов,
Быть неприступными веками
Для грамотных клеветников.

И высоко пускай забросит
Вас жизнь, подобно тетиве,
Где облако, как шапку, носит
Кавказ на буйной голове».

РАСУЛ ГАМЗАТОВИЧ ГАМЗАТОВ

РАЗВЕ ТОТ МУЖЧИНА?

Редактор В. И. Свиридов.
Техн. редактор С. М. Вайсборд.

Сдано в набор 20.05.83 г. Подписано к печати 02.08.83 г.
А 02749. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 2,12. Тираж 75 000. Изд. № 1912. .
Заказ № 776. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

